

глашаемым к следствию для увещания обвиняемых или привода свидетелей к присяге духовным лицам, призываемых к следствию за пределы их места жительства или временного пребывания.

Порядок выплаты вознаграждений призываемым или употребляемым при производстве дел экспертам, свидетелям и другим лицам регламентировался ст. 21 Проекта, согласно которой вознаграждение указанным лицам выдавалось по их требованию немедленно после исполнения возложенных на них поручений и под их расписку. Аналогичный порядок выплаты должен был соблюдаться и при уплате за укупорку и пересылку вещей, необходимых для исследования преступлений (ст. 19) и за содержание краденых лошадей и других животных, задерживаемых при открытии преступлений, тем лицам, которым было поручено их хранение и кормление (ст. 20).

Объявление об украденных или отнятых вещах предполагалось печатать за счет тех лиц, которые об этом объявляли; иные объявления в ходе производства следствия и суда, как то об отыскании предметов, необходимых для исследования происшествия, о найденных мертвых телах, о сыске и доставлении подсудимых или подозреваемых – за счет казны с последующим взысканием издержек с виновных (ст.22).

В заключение следует отметить, что Проект стал первым кодифицированным документом об издержках по указанному роду дел, который был разработан на основе практики западноевропейского законодательства, а соответственно строился на прогрессивных буржуазных правовых принципах. Впоследствии основные положения Проекта были реализованы в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г.

УДК 343

Т.Г. Терещенко

ПРИЗНАКИ УМЫШЛЕННОГО ТЯЖКОГО ТЕЛЕСНОГО ПОВРЕЖДЕНИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ МЕДИКО-ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

Здоровье как физическое или душевное состояние человека охранялось уголовным законом от преступных посягательств во все времена. Причинение вреда здоровью, в том числе и путем умышленного тяжкого телесного повреждения, подвергало данное благо нарушению, в результате которого человек мог лишиться трудоспособности, зрения, слуха и т. д. Однако вопрос об отнесении подобных нарушений к тяжким телесным повреждениям далеко не всегда решался однозначно. В этой связи представляет интерес рассмотрение исторического аспекта

регламентации признаков тяжкого телесного повреждения, в том числе и с позиции их медицинской и правовой оценки.

Для анализа следует обратиться к XX в., в начале которого на территории Беларуси действовало Российское Уголовное уложение 1903 г., а после октября 1917 г. – формировалось советское уголовное законодательство. Согласно Уложению 1903 г. законодатель относил к признакам тяжких телесных повреждений следующие виды: расстройство здоровья, опасное для жизни; душевную болезнь, потерю зрения, слуха, языка, руки, ноги, производительной способности, неизгладимое обезображение лица (ст. 467). Данной нормой пользовались вплоть до издания первого советского уголовного кодекса 1922 г., действие которого распространялось и на территории Беларуси. Примечательно, что УК БССР (РСФСР) 1922 г. фактически полностью воспринял признаки тяжких телесных повреждений, упоминавшиеся в Уложении 1903 г.

В то же время первые временные медицинские Правила, описывающие виды телесных повреждений, были изданы еще в 1919 г. Однако предусматривали деление повреждений на смертельные и несмертельные исключительно по патологическому критерию. Классификация телесных повреждений по степени их тяжести (тяжкие, менее тяжкие и легкие) – юридического происхождения. Именно правовым делением телесных повреждений на виды и было обусловлено содержание последующих «Правил для составления заключений о тяжести повреждений» 1922 г. В указанном документе признаки тяжких телесных повреждений полностью совпадали с классификацией, предложенной в Уложении 1903 г., медицинские критерии которых раскрывались в комментариях. Однако впоследствии законодатель отошел от указанной выше регламентации признаков тяжких телесных повреждений, минимизировав их перечень. Так, в ст. 219 УК БССР 1928 г. последние раскрывались лишь указанием на полное нарушение функций какого-либо органа, неизгладимое обезображение лица, психическое заболевание или иное тяжкое расстройство здоровья. Для сравнения УК РСФСР 1926 г. не относил к тяжким телесным повреждениям именно полное нарушений функций соответствующего органа и, кроме того, детализировал признак «иного расстройства здоровья», связав его со значительной утратой трудоспособности (ст. 142).

Примечательно, что «Правила для составления заключения о тяжести повреждений» 1928 г., принятые народным комиссариатом здравоохранения РСФСР, раскрывали признаки телесных повреждений, содержащиеся в УК РСФСР 1926 г. Соответствующих медицинских Правил в Белорусской ССР на тот период издано не было, поэтому руководствовались положениями российских Правил по аналогии. Однако некоторые признаки телесных повреждений трактовались неоднозначно.

но. Наиболее острая дискуссия велась по поводу признаков утраты органов (лишение зрения, слуха) и душевной болезни.

Потеря зрения в случае полной и неизлечимой слепоты двух глаз и в таком состоянии, при котором человек не различал предметы на очень близком расстоянии по Правилам 1922 г. и 1928 г. расценивалась как тяжкое телесное повреждение. В то же время Правила 1922 г. относили к тяжким повреждениям и повреждение одного глаза, но при условии деформации глазного яблока или век, обуславливающие неизгладимое обезображение лица. О травме одного глаза Правила 1928 г. умалчивали, что объективно порождало дискуссию. В частности, А.А. Пионтковский, В.Д. Меньшагин, как и представители медицинской науки, в 1930-х гг. полагали, что потеря одного глаза является тяжким телесным повреждением и без признака обезображения.

Потеря слуха в форме неизлечимой глухоты либо при состоянии, когда человек не слышал громкую речь на очень близком расстоянии, Правила 1922 г. и 1928 г. единообразно оценивали как тяжкое телесное повреждение, но о потере способности слышать на одно ухо в них ничего не пояснялось. Между юристами и судебными медиками по этому вопросу имелось существенное расхождение. А.А. Пионтковский, исходя из интересов оптимальной охраны здоровья человека, полагал, что данный вид повреждения следовало бы относить к тяжким телесным повреждениям, хотя эксперты расценивали данное нарушение как менее тяжкое телесное повреждение.

Психическое заболевание как признак тяжкого телесного повреждения не раскрывалось ни в Правилах 1922 г., ни в Правилах 1928 г., что объективно приводило к полемике. Как правило, обсуждался характер самой болезни: постоянный (хронический) или временный, излечимый или неизлечимый. Например, М.Д. Шаргородский в 1940-х гг. считал, что независимо от указанных выше характеристик, душевная болезнь должна быть серьезной или тяжелой, но данная оценочная категория автором не пояснялась.

УК БССР 1960 г. расширил и детализировал перечень признаков тяжких телесных повреждений, включив помимо основного анатомо-патологического критерия для тяжких телесных повреждений и экономический признак – потерю трудоспособности. Законодатель вновь вернулся как к признаку «опасность для жизни», от которого отказался после прекращения действия УК 1922 г., так и признаку «прерывание беременности», известного еще со времен дореволюционного уголовного права. Соответствующие критерии тяжких телесных повреждений описывались в медицинских «Правилах по определению степени тяжести телесных повреждений» 1961 г., в которых конкретизировали степень тяжести причиненного вреда здоровью при потере зрения на один

глаз и потере слуха на одно ухо, однако вновь не содержали никаких пояснений относительно душевной болезни.

С введением в действие «Правил судебно-медицинского определения степени тяжести телесных повреждений» 1978 г. общесоюзного масштаба признаки тяжких телесных повреждений с медицинской точки зрения существенно конкретизировались. Так, все виды тяжких повреждений разделялись на две группы: опасные для жизни повреждения и относящиеся к тяжким по исходу и последствиям. Обстоятельно дополнился перечень опасных для жизни повреждений. Вводились медицинские показатели для определения потери зрения и слуха. Уточнялся порядок оценки тяжести повреждения при частичном отделении руки и ноги. В последующих медицинских Правилах 1991 г. в формулировке признаков принципиально ничего не изменялось, за исключением того, что появился новый экспертный критерий – «утрата трудоспособности на срок свыше 4 месяцев», который был воспринят и УК 1960 г.

Вышеизложенное, на наш взгляд, показывает, что уголовное законодательство об ответственности за преступления против здоровья в аспекте признаков тяжкого телесного повреждения имеет свой исторический генезис. В процессе развития теории уголовного права законодатель, признавая правовым усмотрением соответствующие телесные повреждения как тяжкий вред здоровью, тем самым обусловил деление повреждений на их виды. Соответствующие медицинские Правила лишь адаптировались к уголовному законодательству и отразили прогрессивные тенденции развития судебно-медицинской науки, конкретизируя и дополняя соответствующие признаки тяжких телесных повреждений (например, перечень опасных для жизни состояний). Следует отметить, что упомянутые признаки тяжкого телесного повреждения явились основой для формирования современного белорусского уголовного законодательства в аспекте тяжкого вреда здоровью и в рамках преемственности восприняты нормой ст. 147 УК Республики Беларусь.

УДК 351.74:378.095

А.Н. Тумов

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОДГОТОВКИ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ МВД УКРАИНЫ

В последнее время в Украине значительно активизировалось обсуждение вопросов реформирования судебной и правоохранительной системы, в том числе МВД. В этом контексте речь идет о реформировании системы ведомственного образования.